

Весна нашей надежды

О некоторых уроках демократии Общего собрания СО РАН

По мнению многих участников годичного Общего собрания Сибирского отделения РАН, нынешнее было особенно интересным: год на год, как говорится, не приходится, но нынешней весной и доклады по разным причинам были более насыщенными интересной информацией, и выступления гостей из других регионов Сибири порадовали своей конструктивностью, и прения по докладам были хоть, как всегда, и недлинные, но весьма содержательными. В этой связи хотелось бы порассуждать на бумаге о том, что же всё-таки отличало нынешнюю научную весну от недавних прежних и какие мысли она навеивает своей всегдашней непредсказуемостью.

Наука невозможна без демократии

Без подлинной демократии, подчеркнул мы. Одно дело — жонглирование демократическими принципами в политической борьбе и словесное соревнование, кто демократ больше, однако демократическая жизнь российского научного сообщества предполагает и пока располагает всеми необходимыми качествами для её подлинного проявления. Причём, от её деклараций в Уставе РАН и соответствующих норм законов РФ до повседневной действительности, когда демократия вот она, тут, рядом, проявляется в выборах руководства институтов, Президиума и руководства РАН и её региональных структур, наконец, в выборах членов и членов-корреспондентов Академии. Если смотреть глубже, то без демократических основ никакая настоящая наука невозможна вообще. Потому что это всегда открытый конкурс идей, предложений и конкретных работ. Если есть что значимое на решете деятельности твоего ума и таланта — проходи и занимай своё достойное место в научном сообществе, нет — извини, мы за тебя не то что голосовать не будем, мы и слушать-то будем в пол-уха из вежливости — только потому, что ты либо начальник и без тебя не обойтись, либо просто из человеческого приличия. (Что касается проявлений групповщины, то это отдельный разговор — своеобразные издержки всё той же демократии).

А теперь наш тезис, что демократия действительно в науке есть, рассмотрим на конкретных примерах.

Отчётный доклад

Напомним нашим читателям, что в подготовке докладов для годичного Общего собрания есть немало своеобразных трудностей. Главная из них — из воистину безбрежного моря научно-организационной деятельности выбрать наиболее существенные моменты, которые бы с особой наглядностью продемонстрировали весь обширнейший спектр работ, проводимых в Отделении.

И здесь также явно просматриваются демократические принципы. Когда председатель СО РАН А.Л. Асеев упрёкнули на минушке собрании (а это случается почти всякий раз) в том, что вот-де, биологические науки на этот раз были представлены не особенно полно, он резонно возразил: «Что касается доклада, мне не впервые делают подобный упрёк. Но замечу, что ориентируюсь на данные Объединённых учёных советов. Так что работайте с ОУСаами».

Что же позволило некоторым выступающим позже на собрании назвать отчётный доклад хорошим, а полпреду Президента РФ в СФО В.А. Толоконскому — впечатляющим? Наверное, здесь можно говорить о двух моментах: первое — год действительно выдался удачным и на научные разработки (подведены трёхлетние итоги интеграционных проектов), и на контакты с властью и бизнесом, и в целом весна нынешнего года в силу разных обстоятельств позволяет с оптимизмом смотреть в будущее.

Структурно внешне доклад выстроен по, казалось бы, традиционному принципу: результаты фундаментальных исследований по наукам (с акцентом на интеграционные проекты), инновационная деятельность как одна из важнейших и неотъемлемых частей основной научной работы, крупнейшие экономические и хозяйственные достижения (которые были дополнены докладом о деятельности Президиума СО РАН главного учёного секретаря академика Н.З. Ляхова), работы (и это принципиально новый особый раздел

доклада) в интересах обороны и безопасности страны и, наконец, важнейшие задачи на ближайшее время. Но каждый раздел доклада на этот раз был «прописан» (в основном в инфографике) с особой тщательностью.

Говоря о фундаментальных исследованиях, председатель особо выделил предстоящую работу по мегапроектам. Один из них — чарм-тау фабрика в ИЯФ СО РАН. Прочитываем доклад: «Технологии, создаваемые и развиваемые при реализации проекта чарм-тау фабрики, обладают высоким инновационным потенциалом и будут способствовать развитию всех приоритетных направлений науки и технологий РФ. Подписаны соглашения с Италией (NFN), Японией (КЕК), обсуждаются соглашения с Англией, США, Израилем и другими странами. Бюджет проекта — 17,4 млрд руб. Установка вошла в число шести мегапроектов, одобренных Правительством РФ для рассмотрения. Мы надеемся, что в ближайшее время, может быть, уже в этом году будет принято решение о финансировании её строительства». Сказано острожно, но с оптимизмом.

И другой проект — Национального геофизического центра на базе Института солнечно-земной физики СО РАН. «Необходимо сообщить, — заметил докладчик, — что после нескольких лет напряжённой работы по проектированию этого центра и его защите в правительственных структурах принято решение о его финансировании начиная с будущего года».

В этой работе планируется два этапа, каждый из которых стоит более 6 млрд руб. Будут реализованы пять субпроектов, в результате которых Сибирское отделение и Российская Федерация получат уникальную систему для изучения солнечной активности с высоким разрешением в оптическом и радиодиапазонах и скоординированного с этим наблюдения за ионосферными процессами с помощью комплекса методов, включая радари когерентного и некогерентного рассеяния и лидарные комплексы. Я хочу поздравить сотрудников ИСЗФ и всего Сибирского отделения с успехом этого мегапроекта».

Выступивший несколько позже в прениях академик Г.А. Жеребцов в оценке продвижения этого проекта был более осторожен, если не сказать — пессимистичен, но всё-таки он заметил: «В течение пяти лет мы пытаемся выполнить какие-то необходимые работы. Хорошо, что нас понимает научное сообщество, поддерживает председатель СО РАН. Выделяют нам какие-то деньги — 5—7 млн рублей, но нам нужны десятки миллионов. В РАН вообще не было программы исследования космического пространства. Благодаря нашей настойчивости она появилась. Но сейчас нам говорят, что нет денег. Конечно, вопрос не решить сразу, но не считая, что он не решаем. Понимаю, что очень многое надо пройти, но хочется надеяться, что наша страна прорвется на должный уровень в освоении околоземного космического пространства и опорой ей будет и наш мегапроект...»

Говоря о работах в интересах обороны и безопасности нашей страны, академик А.Л. Асеев подчеркнул: «Надежды на успех в этом направлении связаны как раз с тем, что Сибирское отделение не выполнило установку 90-х годов на демилитаризацию фундаментальной науки. Многие институты СО РАН продолжали работать в интересах предпрятий ВПК. Решением Министерства промышленности и торговли РФ от 26 сентября 2011 г. восемь институтов СО РАН включены в сводный реестр организаций оборонно-промышленного комплекса...»

И, завершая доклад задачами Отделения на ближайшее будущее, Александр Леонидович подчеркнул: «В ближайшие годы Сибирское отделение должно обеспечить ориентацию планов НИР на проведение работ, востребованных в рамках основных направлений модернизации экономики России крупными отечественными корпорациями, регионами, образовательным комплексом и инновационным бизнесом. В 2012 году должна быть завершена работа по оценке эффективности деятельности институтов и научных подразделений СО РАН в соответствии с основными принципами принятого Правительством РФ и Российской академией наук положения».

Будет продолжена практика конкурсного распределения части бюджетных средств в рамках целевых программ (экспедиции, об-

серватории, издательская деятельность и др.), интеграционных проектов, программ РАН, деятельности Приборной комиссии, центров коллективного пользования. И эта конкурсная часть будет увеличиваться. Я уже говорил об организации участков получения пилотных образцов востребованной высокотехнологической продукции в институтах и подразделениях СО РАН. Эта программа уже действует, и думаю, что в самое ближайшее время мы получим хорошие результаты...»

Здесь важны два момента: первое — вся научная деятельность подразумевает как раз самое демократическое финансирование через конкурс. И второе — будут финансироваться не абстрактные научные разработки, а в первую очередь то, что сегодня остро необходимо стране. Яснее о соединении принципов демократии и подчинения научных исследований конкретным целям не скажешь...

От Москвы до самых до окраин...

Здесь важно отметить одну главную особенность: на этот раз, по общему мнению, качество выступлений в прениях было особенно заинтересованным. И что немаловажно — дискуссия происходила сугубо в конструктивном русле, — что ни выступление, то конкретные предложения по улучшению качества работы. Небезынтересно и то, что комментарии председателя СО РАН были подчас довольно обширными и создавали обстановку свободного диалога с залом.

Тон сугубо конкретному разговору зададо выступление (почти содоклад) первого заместителя губернатора Кемеровской области В.П. Мазикина. Валентин Петрович подробно и предметно говорил о том, чего ждут горняки от большой науки. А это в первую очередь транспортные, энергетические, сейсмические, экологические, кадровые проблемы, и, конечно же, безопасность труда шахтёров. В нашей газете мы выделили его отдельно и дали под заголовком «Кузбасс рассчитывает на научную поддержку».

Затем тема сотрудничества большой науки с регионами была развита в выступлениях ректора Национального исследовательского Томского политехнического университета П.С. Чубика. Он внёс весьма любопытное предложение: «... Вот мы создали Томский консорциум, я знаю, что какая-то работа проделана в Красноярске, возможно, в других научно-образовательных центрах. Так, может быть, нам сделать консорциум консорциумов — Сибирский консорциум? Потому что нам нужно конкурировать не друг с другом, а объединяться и конкурировать с США, со странами Европейского Союза, с Китаем, Индией. Я хочу пожелать нам успехов в решении всех этих проблем...» И далее ту же линию поддержал ректор Алтайского государственного университета С.В. Землюков: регионы сегодня как никогда нуждаются в помощи большой науки.

Одной из важных линий обсуждения стало взаимодействие научных центров с периферийными институтами. (Хотя тут важна не столько география, сколько уровень научной работы, об одном таком научном учреждении наша газета недавно писала — это Институт проблем химико-энергетических технологий в Бийске, — несмотря на удалённость от крупных научных центров, здесь достигнуты очень высокие научные и инновационные результаты в работе). Но, тем не менее, проблема есть и чисто географическая, измеряемая тысячами километров от Москвы.

Вот, к примеру, о чём говорил академик Н.Л. Добрецов: «В прежние годы в СО РАН 50 % составлял бюджет, а 50 % мы зарабатывали сами. Сегодня за счёт того, что бюджетная кривая растёт, а добавка — нет, она (добавка) составляет 23 %, с миллиардом будет 29 %. А в это время в Москве, где раньше бюджет составлял 70—75 %, а 25 % — добавка, сегодня эта самая добавка доходит до 50 %».

Здесь была приведена диаграмма распределения государственных программ. 85 % — Москва и Московская область, и 3 % — вся Сибирь. Сегодня добавка в бюджет в РАН составляет половину, как это когда-то было в СО РАН — за счёт того, что все госпрограммы остаются в Москве».

Далее Н.Л. Добрецов сказал, что позиция руководства Академии наук и Правитель-

ства страны ясна: зачем отдавать деньги Сибири, когда можно их оставить в Москве. «Я не хочу сравнивать науку здесь и там — в Москве тоже есть хорошие коллективы, вполне заслуживающие эти вложения, — но тезис о том, что вся наука — в Сибири, а все деньги — в Москве, становится все более злободневным...».

Но вот что добавил, однако, на это академик А.Л. Асеев: «... По той же самой модели строятся и наши взаимоотношения с Москвой: все федеральные целевые программы распределяются по конкурсу (или якобы по конкурсу), существуют направления, рабочие группы, руководители. Но наше благодушное и инертное мешают движению вперёд. Все попытки встряхнуть людей, чтобы они приняли участие в этих рабочих группах и научно-технических советах федеральных целевых программ, оборачиваются крахом: этим никто не хочет заниматься. Например, в своё время я входил в научно-технический совет федеральной целевой программы, заседал в Росатоме, это приносило довольно ощутимые доходы, но желающих меня заменить просто не нашлось. Все решается не с трибун. Можно сколько угодно требовать, просить и, наверное, этим надо заниматься, но проблемы решаются на уровне исполнительской. Если, например, не будет рабочей группы в Институте солнечно-земной физики, которая будет 90 % времени работать в Москве и носить бумагу из одного кабинета в другой, из одного министерства в другое, не получится ничего. Мы опять потеряем годы...».

Академик М.И. Эпов, развивая эту мысль, заметил: «На собрании прозвучало, что интеграционные проекты в основном достаются Новосибирску. Наверное, здесь можно предположить некий умсел, но, если вы посмотрите на внебюджетные деньги, то увидите абсолютно ту же картину. Основная доля внебюджетных денег также приходится на ННЦ. И надо сказать, что внебюджетных денег у нас в центрах очень мало...».

То есть не всё в порядке в нашем научном мире, когда дело касается близости или удалённости от источников финансирования.

Выборы как школа демократии

Не будем особенно копаться в деталях прошедших выборов руководителей научных центров и учреждений — это прерогатива самих участников Общего собрания. Но нельзя пройти мимо очевидного факта: в который уже раз выборы руководителей научных структур СО РАН со всей очевидностью показали: именно они сегодня формируют высший кадровый эшелон Отделения. Разумеется, рекомендации Президиума СО РАН учитываются, объединённых научных советов и научных коллективов институтов тоже, принимаются во внимание и пожелания администраций регионов, но решающее слово остаётся за тайным голосованием, что не так-то просто понять и принять многим чиновникам и на местах, и даже в Москве.

Осмелимся предположить, что даже труднейшие ситуации по выборам руководителей Института математики и Института органической химии СО РАН, когда во втором из них вообще выборы как таковые не состоялись, и ни один кандидат не набрал нужного количества голосов, это всё-таки лучше по сравнению с административным назначением, несмотря на перипетию борьбы. Бесхозных институтов всё равно не остаётся. Такова логика жизни научного сообщества. За всю историю РАН её уже не раз пытались изменить, подчинить или хотя бы приручить. Пока, к счастью, не получается: Российская академия наук и её крупнейшая региональная структура — Сибирское отделение развиваются и живут по настоящим демократическим принципам и традициям отечественной науки. Именно потому, скорее всего, выстояли в лихую годину 90-х годов века минувшего, сохранили научный и кадровый потенциал на переломе веков и сегодня устремлены в будущее с хорошим запасом интеллектуальной и духовной энергии.